

Л.Г. ИОНИН

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ — ЭТО ИДЕОЛОГИЯ

Л. Ионин отвечает на соображения и замечания, высказанные И. Жежко относительно его книги «Политкорректность: дивный новый мир». Он продолжает настаивать на том, что политкорректность — это именно идеология, прочно связанная с конститутивными особенностями современной массовой демократии. При этом он оспаривает некоторые оценки и исправляет некоторые ложные, на его взгляд, суждения И. Жежко о его книге. В заключение уточняются идеологические позиции автора книги в этой дискуссии.

Ключевые слова: политкорректность, корректность, теория, идеология, ценности.

Идея поспорить с мыслями о политкорректности, высказанными И. Жежко в отзыве на мою книжку, выглядела привлекательной. Научные дискуссии у нас не очень распространены, а тут речь идет даже не просто о дискуссии, а о дискуссии на очень актуальную, просто даже горячую тему. Но когда я прочитал сам отзыв, то понял, что мне придется, к сожалению, потратить много сил и слов не на научную дискуссию как таковую, а на исправление того ложного представления о моей книге и моих мыслях, которые создает в своей статье И. Жежко. Дело в том, что многие из тех, кто познакомится с ее отзывом, мою книгу не читали, а после знакомства с отзывом тем более читать не станут, решив, что автор невежественен, нелогичен и вообще кое-где на грани слабоумия. Это возможное впечатление я и вынужден исправлять.

Начну с самого начала. Рецензент считает, что феномен политкорректности в моей книге совершенно не изучен. Она пишет: «Композиция книги построена следующим образом: определение, иллюстрации и пояснения к сути определяемого явления, заключение, повторяющее исходное определение. Автор, разумеется, понимает сложную природу изучаемого явления, однако оставляет свой анализ практики и противоречивых теорий за пределами книги и знакомит нас лишь с найденным им ответом» (с. 109). Другими словами, анализа практики и теории политкорректности (то есть того, чему книга *должна быть* посвящена) в книге *нет*, а то, что автор якобы понимает

Ионин Леонид Григорьевич — доктор философских наук, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101990, Москва, ул. Шаболовка, д. 26, корп. 4, каб. 4235. Электронная почта: ioninlg@gmail.com

«сложную природу изучаемого явления», — это не более, чем дежурный комплимент, призванный подсластить эту горькую истину.

Я решил посмотреть, действительно ли «композиция книги» выстроена столь безнадежно бездарно, как это описывает рецензент. Смотрю: «...определение, иллюстрации и пояснения к сути определяемого явления» — это все составляет первую главу рецензируемой книги объемом в восемь страниц, названную «Черты политкорректного мира» [2, с. 8–16]. Сразу после этого, говорит И. Жежко, идет «заключение, повторяющее исходное определение». Заключение как такового в книге нет, завершает книгу раздел, который называется «К обществу меньшинств». В нем действительно воспроизводится определение, данное на одной из первых страниц, но оно занимает *лишь четыре строки* из четырех страниц, составляющих этот раздел. Кроме этих четырех строк ничего там не «воспроизводится». Но между «определением» и «заключением» лежат 100 (прописью: сто) страниц книги, которые автор рецензии, очевидно, не заметила. А там как раз и можно найти «анализ практики и противоречивых теорий», которой она не обнаружила.

(К слову сказать, в последних строках своего отзыва И. Жежко пишет, что может «рекомендовать» книгу «как экскурс в существующие теории и подходы к изучению политкорректности» (с. 121). Так есть в книге эти теории или нет там этих теорий? Нельзя же одновременно стоять на взаимоисключающих точках зрения!)

Прямо скажу, я не понимаю мотивов такого отношения к рецензируемому тексту, не понимаю, почему и зачем рецензент это делает. Неужели только для того, чтобы заявить на следующих строчках, что «подобный вид академической работы... [имеется в виду порочная «композиция». — Л.И.] должен насторожить вдумчивых читателей»? (с. 109) «Насторожившись», то есть дав книге с самого начала *абсолютно негативную оценку*, заявив, что анализ политкорректности, то есть того, чему посвящена книга, в ней отсутствует, а убудочная (извините уж за это неакадемическое слово) композиция состоит из определения и заключения, которое воспроизводит определение, рецензент почему-то все-таки не ставит на этом точку. «Однако все же интересно, — говорит она, — к каким выводам приходит автор» (с. 109). Как выразительно это «однако все же»!

Далее в рецензии основную часть занимает рассмотрение данного мною определения политкорректности, опирающееся на констатацию того, что все в этом определении неправильно. Первая и главная неправильность заключается в том, что я считаю политкорректность идеологией, на самом деле это не идеология. Вторая — в том, что я считаю ее идеологией современной массовой демократии, на самом деле она не имеет отношения к демократии, разрушает последнюю.

Третья неправильность — в том, что политкорректность я считаю современным феноменом, она же, наоборот, имеет долгую историю; четвертая — в том, что политкорректность служит созданию консенсуса, она на самом деле (по мнению И. Жежко) — орудие меньшинств. Это не полный перечень неправильностей, их еще много, на некоторых я попытаюсь далее остановиться, но сосредоточусь на основных названных.

Сначала о том, что политкорректность — не идеология. Хотелось бы узнать, что же она есть. Существует очень много разных пониманий и соответствующих определений политкорректности. Более десятка из них я показал в своих работах, объяснив, что большинство из них отражают определенные аспекты явления, но не улавливают его существенные черты [1, с. 37, 288–289]. Кроме того, я детально разобрал, в чем состоит отличие политкорректности от просто корректности, вежливости, предупредительности, с которыми ее часто неправильно отождествляют [2, с. 16–21]. Не найдя удовлетворяющего меня понимания, я счел необходимым попытаться выработать свое собственное. Рецензент говорит, что оно неправильное. Я готов узнать, как понимать политкорректность правильно, и с этой целью внимательно прочитал рецензию И. Жежко. Но прямого ответа не нашел — только косвенные. Так, например, в одном месте она называет политкорректность «одним из сегментов... общественного мнения» (с. 110), в другом она видит в ней пример «общественного движения, или социальной машины» (с. 119). Это очень разные вещи, причем если общественное мнение или общественное движение — это вещи хоть разные, но понятные, то о том, что такое «социальная машина», я могу только догадываться. Так что, судя по рецензии, ее автор не может прямо и однозначно сказать, что такое политкорректность (если не идеология), а если может, то почему-то не говорит.

Раздел рецензии под названием «Идеология политкорректности», в котором вроде бы должно быть разобрано мое неправильное понимание, на самом деле представляет собой череду странных фантазий рецензента. Я читаю: «Ионин показывает, что политкорректность — не просто идеология, а “идеология со встроенным механизмом”» (с. 110). Не доверяя в данном случае своей памяти, я проверил обе рассматриваемые рецензентом работы через систему компьютерного поиска и могу однозначно сказать, что процитированного И. Жежко словосочетания («идеология со встроенным механизмом») у меня нет. Она это выдумала, что и дало ей повод далее поупражняться в риторике. У автора, говорит она, «внутри политкорректности оказываются “вмонтированными” не один, а сразу несколько механизмов» (с. 111). Про эти несколько механизмов, которые якобы вмонтированы, она тоже придумала. То, что идет под первым и вторым номерами, я

никогда и нигде механизмами, а тем более «вмонтированными внутри политкорректности» (что вообще это словосочетание может означать?) не называл, да и не мог назвать.

О третьем же номере речь должна идти особо. И. Жежко сама приводит цитату из моей книги: «...в идеологию политкорректности оказался вмонтированным своеобразный теоретический механизм, благодаря которому не только заранее отвергается любая критика, но и сам критик оказывается обвиненным в самых тяжких грехах...» [2, с. 34]. Обратим внимание: здесь не сказано «в политкорректность» или «внутри политкорректности», а сказано в «*идеологию* политкорректности», и не просто «механизм», а «*теоретический* механизм». Тем не менее рецензент пишет: «Оставим на совести автора прилагательное “теоретический” в этой фразе. Механизм подавления не то что критики, а даже случайного нарушения языковых и смысловых конвенций политкорректности, как мы знаем, — самый что ни на есть практический: от гильотины в XVIII до потери работы по профессии в XXI веке» (с. 111).

Попробую объяснить, что было у меня «на совести», точнее на уме, когда я писал эту фразу. Известно, что в некоторых идейных системах действительно имеются («вмонтированы») ходы мысли («теоретические механизмы»), априори отвергающие любую критику в адрес этих систем. О таких механизмах писал, в частности, Карл Поппер. Особенно выразительно это выглядит в марксизме. Критика в адрес марксистской идеологии со стороны ее противников априори отвергается марксизмом на том основании, что их видение мира искажено и извращено в силу того, что они находятся под влиянием буржуазной идеологии и поэтому не в состоянии видеть мир объективно (правильно). Теоретической основой такого отношения является марксистская концепция идеологии как ложного сознания. Это действительно в полном смысле слова *теоретический* механизм («механизм» здесь метафора, но вполне уместная и примененная лишь единожды), «вмонтированный» в *идеологию* как теоретическую систему. Я перечитал соответствующее место в рецензируемой книге: там все внятно и просто описано и показано, как функционирует этот теоретический механизм применительно к идеологии политкорректности. Удивляюсь, как можно не понять такие простые вещи, но ссылка автора рецензии на гильотину и запреты на профессию, как и ее менторский тон, показывают, что она действительно не поняла.

Вторая неправильность моего видения политкорректности заключается, с точки зрения рецензента, в том, что я считаю ее (политкорректность) идеологией современной массовой *демократии*, тогда как на самом деле она (политкорректность) с демократией, наоборот, борется и всячески ее разрушает. При этом аргументов нет, а есть упоминание «многих исследователей», которые думают так же

(с. 115). В этом же контексте (в противоположность моему мнению о том, что политкорректность — идеология *современной* демократии) происходит перемещение периода возникновения политкорректности не в XVII даже, а в XVI век. Это выглядит, на первый взгляд, радикальным исследовательским шагом, на самом же деле ни к чему, кроме путаницы, не ведет и привести не может. Пропаганда, внушение мнений, прямое или косвенное принуждение к единомыслию, навязывание всяческих догм, выработка и применение разных пропагандистских приемов, наличие, в конце концов, предназначенных для этого организаций и институтов — все это действительно было всегда, и в XVI веке, и раньше. Но все это употреблялось и применялось для внушения, принуждения, навязывания и т. д. *другой* идеологии, точнее, *других* идеологий, а не идеологии политкорректности. Если рецензент хочет сказать, что политкорректность была уже и в XVI, и в XVII веке, то она жестоко ошибается. Идеологии были, и очень разные, практика их реализации была, соответствующие институты были, но политкорректности не было, увы!

Рецензенту вообще свойственно подходить к делу абстрактно. Так, она пишет, снисходительно комментируя очередную мою «неправильность»: «Идем далее: *“политкорректность — ...это идеология... служащая... обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов...”* Это высказывание почти ничего не добавляет к содержанию понятия политкорректности и его специфике, так как практически любая идеология может служить обоснованием внешней и внутренней политики» (с. 115). Я уж не знаю, как оправдаться! Я пишу не о «любой» идеологии, а конкретно о политкорректности, и не о политике вообще, а о политике «западных государств и союзов». Я связываю логически два конкретных феномена: конкретную идеологию и конкретные политические образования. А она пожимает плечами и говорит: Подумаешь, мудрость! Все со всем связано! Что это нам дает?! Суждение о том, что все со всем связано, а всякая идеология что-нибудь да обосновывает, к пониманию политкорректности действительно ничего не добавляет, но суждение о том, что идеология политкорректности служит обоснованию политики западных государств — это достаточно узкое содержательное суждение, и оно как раз к пониманию политкорректности кое-что, и немало, добавляет. У меня целая глава («Политкорректность на экспорт») посвящена раскрытию этой темы; рецензент этого, как и многого другого, тоже, кажется, не заметила.

Вообще в этой не очень большой статье огромное множество каких-то, не знаю, сознательных или бессознательных неточностей, подлогов, передергиваний. Я уже упоминал о трех «встроенных механизмах», выдуманных и приписанных мне рецензентом. Вот еще пример: «Ионин демонстрирует, что политкорректность есть результат

тотального применения принципа равенства в его наиболее абстрактном понимании в разных сферах общественной жизни современной массовой демократии... Между тем, высказывание Токвиля, ...которым Ионин иллюстрирует этот тезис, относится к первой трети XIX века, когда американская демократия, а вместе с ней и соответствующая ей модель политкорректности, еще находились в стадии становления» (с. 112). Подразумевается, наверное, что Ионин-то и не понимает, что Токвиль жил «до» политкорректности. Я мог бы сказать, что Токвиль пишет о той же самой демократии, в которой в тенденции уже складывалась идеология политкорректности, и это было бы правильно. Но я *должен* сказать, что обращением к Токвилю иллюстрировал не политкорректность, а некоторые процессы общественного мнения, имеющие отношение к политкорректности, но ею не являющиеся, в частности «спираль молчания», о чем и пишу сразу после цитаты из Токвиля: «Токвиль описал это явление в 30-е годы XIX века, а ...Элизабет Ноэль-Нойман в 60-е годы XX столетия изучила его и дала ему имя “спирали молчания”» [2, с. 66]. И таких примеров очень много. Я не могу, да и не хочу, их все разбирать, поскольку читателю это вряд ли интересно. Мне кажется, приведенных примеров достаточно, чтобы оценить стиль работы рецензента.

В заключение все же приведу еще пример, который, с одной стороны, показывает, что рецензент систематически искажает точку зрения автора книги, с другой же — дает возможность сформулировать несколько тезисов о политкорректности, которые позволят не только адекватно выразить позицию автора, но и показать ее более широкие идейные и даже идеологические контекст и направленность.

И. Жежко пишет: «В имеющейся литературе существуют как минимум два разных понимания роли и места политкорректности в современном общественном мнении.

Одно направление, Ионин, несомненно, принадлежит к нему, считает, что идеология политкорректности уже обеспечила “либеральный консенсус” в западных демократиях, следовательно, активисты политкорректности борются с инакомыслием, то есть *меньшинством*, чтобы сохранять достигнутый консенсус, пусть и ценою удержания остальной части общества в состоянии “молчаливого большинства”.

Другое направление понимает действия идеологов политкорректности как агрессивное инакомыслие, как борьбу меньшинств не только за признание и гражданское равенство, но и за власть и привилегии в обществе, которое в целом не разделяет их предельно абстрагированные или радикальные ценности, как борьбу небольшой, но активной группы, а точнее альянса групп, с большинством, может быть, и молчащим до поры до времени, но явно не согласным с ней» (с. 116).

Не понимаю, почему автор рецензии отнесла меня к первому из выделенных ею направлений. Я, несомненно, *не принадлежу* к направлению, которое считает, что «идеология политкорректности уже обеспечила “либеральный консенсус” в западных демократиях», о чем неоднократно и недвусмысленно говорится в рецензируемой книге. Но точно так же я *не принадлежу* и к другому направлению, которое понимает «действие идеологов политкорректности как агрессивное инакомыслие». Я не принадлежу ни к одному из этих направлений, потому что это ложная дилемма: считать, что победил либеральный консенсус, или, наоборот, победили агрессивные меньшинства. Перефразируя классика, можно сказать: не надо двух слов, это одно и то же. Победа меньшинств — это цель и (в той мере, в какой она, эта победа, совершилась) достижение идеологии политкорректности, составляющей сердцевину либерального консенсуса ныне.

В рецензируемой книге есть специальный раздел («Общество меньшинств»), посвященный именно этому вопросу. Там говорится, что идеология политкорректности роковым образом приводит к деградации и разрушению европейского общества и европейской культуры. На их месте возникает новое общество меньшинств, которое уничтожает традиционные европейские ценности. Но это не либеральные ценности, которые называет И. Жежко, говоря, что политкорректность разрушает «западные ценности» — «свободу слова и вероисповедания, личную неприкосновенность, свободу частной жизни и принцип личной ответственности» (с. 115). Я имею в виду под западными ценностями другие, более древние и основополагающие и, если позволите такое стилистически неловкое выражение, более великие ценности. Под заголовком «Общество меньшинств» я писал, что «маргинализация, вытеснение на задний план общественной жизни ценностей, которые были основой триумфальных побед и многовековой экспансии западной цивилизации, неизбежно должны были привести к деградации общества и культуры Запада. *Политкорректность стала... главным орудием такой деградации.* Общество меньшинств, складывающееся благодаря господству идеологии политкорректности, претендует на имя безгранично терпимого общества, но единственно нетерпимое в нем — это традиционные ценности Запада, ведущие свою биографию от деяний героев Гомера: это величие и доблесть, красота и сила, истина и разум, благородство и свобода, мужественность и женственность и т. д. и т. п. Парадоксальным образом эти ценности соотносятся с тем самым смутно определяемым большинством, которое служит *негативным* ценностным полюсом в обществе меньшинств» [2, с. 106].

На книжку, которая здесь обсуждается, были еще рецензии. Так вот, в кратком отзыве в «Русском журнале» А. Марков сослался на классический авторитет, и от повторения этой ссылки я не могу удержаться: «Мудрый Плутарх написал ответ Эпикуру и его последователям,

призывавшим “прожить жизнь незаметно”; исходя от возмущения низостью эпикурейских душ, он говорил, что лозунг спокойной жизни означает призыв к Периклу не выводить Афины на вершину блеска, к Фемистоклу — не совершать подвиги, к Александру Македонскому — не завоёвывать мир, а к Платону и Аристотелю — не писать трактатов¹. Легко увидеть, что именно ценности, запечатленные в делах Перикла и Фемистокла, Александра, Платона и Аристотеля я и имел в виду, рассуждая о традиционных ценностях Запада.

Так что дилемма действительно существует. Но это не та дилемма, о которой пишет И. Жежко; она имеет в виду выбор (по сути, псевдovýбор) между агрессией меньшинств и легитимирующей ее политкорректностью. В действительности существует дилемма между ценностями политкорректного мира и политкорректной жизни, с одной стороны, и традиционными ценностями Запада, да и не Запада только, а подлинной жизни вообще, — с другой. И здесь как раз я могу сказать, что «принадлежу» ко второму из этих направлений.

Бывают случаи, когда рецензент формулирует суть дела, по крайней мере, не хуже, чем сам автор (к рецензии И. Жежко это, конечно, не относится). Это может быть по разным причинам, потому, например, что автор не может позволить себе выйти за пределы избранного стиля, а рецензент может. Моя книга, которая здесь рассматривается, хоть и представляет собой эссе, но это академическое эссе, что налагает некоторые ограничения на способ выражения. А в журнальной рецензии этих ограничений нет. Так, А. Марков пишет: «Быть политкорректным — значит, не стоять, как Лютер, на своём, не исповедовать, как Галилей, истину о вращении земли, а сдаться в угоду плюрализма толпы, медийных сенсаций и американских политических технологий. Либо ты стоишь за истину, либо занимаешься экспортом американской демократии, подменяя науку ловлей грантов, — третьего не дано»². Спасибо глубокоуважаемому рецензенту А. Маркову, он очень точно выразил смысл моих рассуждений. Собственно, это я и хотел сказать и, думаю, сказал своей книгой о политкорректности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М.: Изд. Дом ГУ – Высшая школа экономики, 2010.
2. *Ионин Л.Г.* Политкорректность: дивный новый мир. М.: Ad Marginem, 2012.

¹ *Марков А.* Шумные негры и яростные африканцы // Русский журнал [online]. Дата обращения 21.03.2013. URL: <<http://russ.ru/Kniganeдели/SHumnye-negry-i-yarostnye-afrikancy>>.

² Там же.